

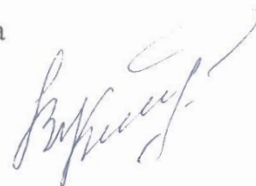
МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г.
ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

Научный доклад об основных результатах
научно-квалификационной работы (диссертации)

**Повседневная жизнь сельского населения Саратовского Поволжья в
годы первых советских пятилеток (1928 – 1941 гг.)**

Аспиранта 3 курса
направления подготовки 46.06.01 Исторические науки и археология
направленности «Отечественная история»
Института истории и международных отношений

Котельникова Вадима Алексеевича

Научный руководитель
профессор кафедры отечественной
истории и историографии,
д-р ист. наук, профессор

А.А. Герман

Заведующий кафедрой отечественной
истории и историографии,
д-р ист. наук, профессор

В.Н. Данилов

Саратов 2021 год

Актуальность темы исследования. Исторический период с 1928 по 1941 гг. вместил в себя ряд важнейших событий советской истории. Это были времена массовых социальных потрясений, в результате которых миллионы людей сменили род занятий и места жительства. Развернувшаяся индустриализация требовала колоссальных средств, а поскольку страна была в основном аграрной, крестьянство должно было стать основным источником, откуда государство могло изымать необходимый ресурс. Такой подход партии к роли деревни стал непосредственной и главной причиной осуществления аграрной модернизации, приведшей к коренному изменению социального положения и повседневной жизни сельского населения страны.

Внедрение новых коммунистических ценностей, разжигание классовой борьбы на фоне разрушения традиционного мировоззрения, вызывали недоумение и отвержение у большей части крестьянства, особенно у старшего поколения, в то время как большинство молодежи позитивно воспринимала эти идеи и с рвением их исполняла. По этой причине в деревне произошел раскол, насильственная модернизация вызвала ожесточенное сопротивление, привело к росту агрессивных настроений с одной стороны, а с другой к состоянию полной апатии в селах, формированию иных социально-психологических аспектов состояния крестьян. Тем не менее административным нажимом, крестьян удалось загнать в наспех созданные и неподготовленные колхозы. Объединив крестьян в колхозы и отобрав у них собственность, государство значительно облегчило себе процесс изъятия из села ресурсов и тем самым обрекло крестьян на нищету и вымирание (голод 1932-1933 гг.)

Поэтому сельская повседневность данного периода явила собой сплав старых патриархальных представлений и обрывков новых, еще не структурированных в общественном сознании идей, спровоцировав всплеск мифологизации происходивших процессов. Не случайно на фоне разрушения жизненных основ возникает тема апокалипсиса, которая стала одним из ключевых аспектов пассивной борьбы и отказа от адекватной оценки происходящего. Это порождало массу конфликтов внутри крестьянского общества, особенно когда

речь шла о потребностях и опасениях различных категорий населения. Вследствие этого факторами, определяющими повседневную жизнь села, стали не только сложные социально-экономические условия, но и религиозные гонения.

В тоже время, организация досуга населения, по замыслу властей, преследовала цели повышения культурного и образовательного уровня населения. Вечера самодеятельности в колхозных клубах, библиотеки, радио, театр и кинематограф способствовали развитию творческого потенциала колхозников, повышению их политической грамотности. Однако несмотря на усиление государственной регламентации всех сфер общественной жизни ликвидировать такие пороки общества как: алкоголизм, хулиганство, воровство и т.д., осложнявшие жизнь сельского населения, так и не удалось.

Отмеченное выше заставляет исследователей все чаще обращаться к вопросам крестьянской повседневности в условиях модернизации. Авторы таких работ интересуют вопросы ломки традиций и устоев, формирований новых бытовых и трудовых повседневных практик, трансформации мировоззрения и мировосприятия, особенности менталитета и т.д.

Аграрная политика в своей сути, противопоставлялась традиционному менталитету и не соответствовала ожиданиям крестьян. В ходе насильственной ломки прежнего устройства сельской повседневности, сплошная коллективизация спровоцировала конфликт между традициями крестьянского двора и новыми государственными организациями – колхозами. Однако традиционные ценности, подвергнувшись жесткой атаке со стороны новаций, до конца не исчезли, а активно трансформировались и адаптировались.

Поэтому, без изучения особенностей развития сельского населения, невозможно воссоздать детальную, целостную картину общественной жизни со своими формальными и неформальными практиками, выступающими объектом государственной институциональной политики.

Для реконструкции полноценной картины повседневной жизни крестьянства в 1930-е гг. невозможно обойтись без региональных исследований. Подробное и тщательное исследование повседневности сельского населения,

особенно на локальном уровне, позволяет проиллюстрировать большое количество ярких примеров поведения, образа мысли, приспособления человека к новым условиям в период социальных потрясений.

Отсюда следует вывод, что изучение особенностей повседневности сельского населения Саратовского Поволжья в период первых советских пятилеток (1928-1941 гг.) представляются весьма актуальными.

Объектом исследования является повседневная жизнь сельского населения Саратовского Поволжья. Преобладание крестьянского населения сформировало специфику демографии данного региона, где деревня выступала носителем традиций и обычаев, а также являлась важнейшим индикатором социально-экономических перемен.

Предметом исследования выступают развернувшиеся преобразования в аграрном секторе, которые привели к кардинальным изменениям сущностных характеристик крестьянства и формированию новой социальной страты – колхозников.

Целью диссертационной работы является исследование важнейших аспектов повседневной жизни сельского населения Саратовского Поволжья в период с конца 1920-х начала 1940-х гг. Объективных факторов деформации и трансформации традиционной крестьянской повседневности.

В соответствии с намеченной целью в диссертации были поставлены следующие **задачи исследования**:

- осветить и подчеркнуть социально-экономические тенденции, повлиявшие на повседневную жизнь «доколхозной» деревни;
- раскрыть особенности социальных взаимоотношений и настроений сельского населения накануне «великого перелома»;
- проанализировать изменения в бытовой и духовной жизни в период «великого перелома»;
- исследовать повседневную жизнь единоличных хозяйств в условиях «победы колхозного строя»;

- определить роль личного подсобного хозяйства в повседневной жизни колхозников;

- изучить государственное обеспечение сельского населения и особенности функционирования рынка в колхозных условиях;

- уточнить и конкретизировать применительно к исследуемому региону условия, уровень, образ жизни и досуг сельского населения;

- выявить особенности крестьянского мировоззрения и сознания сельских жителей накануне Великой Отечественной войны.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца 1920-х гг., когда традиционный повседневный уклад крестьянской жизни претерпел кардинальные изменения в ходе сплошной коллективизации. Завершает период начало Великой Отечественной войны, прервавшей поступательное развитие сформированной в начале 1930-х колхозной системы.

Территориальные рамки исследования сопоставимы с современными границами Саратовской области, которые затрагивают проживавшее в данной местности сообщество, выступавшее как единая система, обусловленная жизнедеятельностью человека в предложенных условиях историко-природного ландшафта.

Степень изученности проблемы. Важным фактором, обуславливающим актуальность выбранной темы, является недостаточная изученность повседневности крестьян Саратовского Поволжья 1928 – 1941 гг., несмотря на то, что за последние десятилетия сформировались различные подходы, объясняющие причины и последствия коллективизации, голода, массовых репрессий и т.д. Одним из способов создания объективной ретроспективы 1930-х гг. стало увлечение исследователей историей повседневности советского села. В существующих работах региональных авторов можно обнаружить лишь отдельные факты и сюжеты, затрагивающие те или иные стороны этой сложной комплексной проблемы.

Этим объясняется глубочайший интерес отечественных историков конца XX – первых десятилетий XXI вв. к проблеме сельской жизни в период от начала

коллективизации до начала Великой Отечественной войны. Доступ к новым, ранее недоступным источникам, применение приемов современной методологии позволяет реконструировать прошлое с достаточно высокой степенью достоверности.

В соответствии с отмеченными выше общими особенностями историографию советского села 1928 – 1941 гг., можно разделить на три временных периода: первый – с конца 1920-х до середины 1950-х гг.; второй – с середины 1950-х до конца 1980-х гг.; третий – с конца 1980-х гг. по настоящее время.

В первый период, который начался с конца 1920-х гг., было опубликовано множество различных работ, которые косвенно затрагивали повседневность. В основном исследователи касались вопросов социально экономических отношений на селе, изучали трансформацию крестьянского хозяйства, внедрения в производства новых видов техники и создания первых коллективных хозяйств, а также революционные изменения затронувшие сельский быт¹. Освещение данных проблем в аграрном секторе носило практический характер, поскольку позволяло властям проследить реальные результаты введенного нэпа².

В большинстве работ оценка всех преобразований большевиков носила агитационно-пропагандистский характер, однако некоторые авторы подчеркивали и отрицательные моменты крестьянской повседневности. Таким элементом выступала борьба с алкоголизмом, за здоровую, трезвую жизнь сознательного советского крестьянина³. Здесь стоит выделить книгу Э. Дейчмана, который

¹ *Миловзоров А.Ф.* Рыночный оборот в крестьянских хозяйствах Саратовской губернии. Саратов, 1925; *Лясковский Г.* Сельское хозяйство (1917—1927) // Нижнее Поволжье. 1927. № 10. С. 18-32; *Левашин В.* Современное состояние плодоводства Саратовской губернии // Нижнее Поволжье. 1927. № 1; *Гульчак М.* Немецкая деревня как она есть. Саратов: Изд. Крайкома, 1929 и др.

² *Внуков В.А.* Миф и действительность: опыт психологии социального быта. М., 1924; *Григорьев Л.* Очерки современной деревни. М., 1924.; *Большаков А.М.* Советская деревня в 1917 – 1925 гг. Экономика и быт. Изд. 2-е. Л., 1925; *он же.* Очерки деревни СССР. 1917-1926. М., 1928; *Брынкин Н.* В новой деревне. Очерки деревенского быта. Л., 1925; *Голубых М.* Очерки глухой деревни. М.-Л., 1926; *Мурин В.А.* Быт и нравы деревенской молодежи. - М., 1926; *Григорьев Г., Шкотов С.* Старый и новый быт. М.-Л., 1927 и др.

³ *Влассак Р.* Алкоголизм как научная и бытовая проблема. М., 1928; *Воронов Д.Н.* О самогоне. М., 1929; Алкоголизм в современной деревне. М ЦСУ РСФСР., 1929.

затрагивает хозяйственные и культурные вопросы борьбы с алкоголизмом, приводя обширные данные по шинкарству и употреблению спиртных напитков на селе⁴.

К началу 1930-х гг. проблематика вышедших работ была непосредственно связана с параллельно проводившейся сплошной коллективизацией и явно носили прикладной агитационно-пропагандистский характер: проиллюстрировать позитивные социально-экономические процессы в деревне и результативность большевистской модернизации аграрного сектора. В литературе, освещающей социально-экономическое развитие, все большее распространение стали приобретать статьи и брошюры, посвященные вопросам социалистического преобразования сельского хозяйства, строительству колхозов и совхозов⁵. Никаких негативных процессов и фактов в крестьянской жизни того периода не допускалось, за исключением подрывной работы «озверелого кулачества»⁶. Тем не менее в данных исследованиях можно обнаружить отдельные элементы повседневности рассматриваемого времени и фактический материал от непосредственных свидетелей преобразований.

Начиная со второй половины 1930-х гг., в период победы колхозного строя в деревне, внимание исследователей было сосредоточено на специализации сельскохозяйственного производства, производительности труда и пути ее повышения, механизации и энерговооруженности колхозов и совхозов и др. В этих работах активно пропагандировалась и демонстрировалась новая, благополучная и счастливая жизнь колхозников⁷.

⁴ Дейчман Э. Алкоголизм и борьба с ним. М., 1929.

⁵ Милютин В.П. Борьба на аграрном фронте и реконструкция сельского хозяйства. М.Л.,1930; Яковлев Я.А. О колхозном строительстве. М. Л.,1931.; Власов М.Е. К вопросу о социалистической реконструкции сельского хозяйства. М.,1932 и др.

⁶ Ангаров А. Сельсовет и ликвидация кулачества как класса // Большевик, 1930. № 6. С.3-18; Варенкис И. О сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Воронеж, 1930; Елизаров Н.В. Ликвидация кулачества как класса. М, 1930; Лаговьер Н., Роднянский А. Социалистическое наступление и кулацкий террор. М.; Л., 1930; Ткаченко Е. Кулак отступает с боем. М., 1930; Роги М. Удар по кулаку. М.,1930; Сиротинин П.Н. Кулак отступает с боем. М.-Л.,1931 и др.

⁷ Анисимов Н.И. Победа социалистического сельского хозяйства. М., 1937; Шуваев К.М. Старая и новая деревня. М., 1937; Перегудова М.П. Освобожденная деревня. Воронеж, 1938; Хейнман С.А. 1939. Рост благосостояния колхозной деревни. М.: Госиздат; Лантев И. Советское

Важную роль в понимании происходящих преобразований в стране в период «великого перелома» оказала «История ВКП(б). Краткий курс», вышедшая в 1938 г. Главной целью этой книги было формирование официального представления, об аграрных преобразованиях, в ходе которых было создано мощное, механизированное колхозное производство, поддерживаемое широкой крестьянской массой. Благодаря чему сельское хозяйство не только встало на передовые рельсы, но значительно повысило благосостояние колхозников. Данная работа создавалась исключительно в агитационно-пропагандистском русле и не могла претендовать на объективность, поскольку явно противоречила реальному положению дел в деревне ⁸.

В связи с этим можно сказать, что в рассматриваемый период, вплоть до середины 1950-х гг. была сформирована жесткая подцензурная схема историографии коллективизации и последующей колхозной жизни советских крестьян, представлявшая эти процессы как одно из величайших достижений советского социалистического строительства.

Во второй период, для историографии «оттепели» и до начала «перестройки», характерно избавление от многих постулатов сформированных за предыдущие десятилетия. Исследователями были предприняты отдельные попытки более объективного показа жизни колхозной деревни, благодаря привлечению ранее неизвестных архивных источников. Данное обстоятельство позволило глубже затронуть многие вопросы коллективизированной деревни. В первую очередь это касалось вопросов основы модернизации и итогов

крестьянство М., 1939; *Альфши С.Д.* Победа колхозного строя. Саратов, 1939; *Алтайский И.П.* Доходы, накопления и финансовое хозяйство в колхозах. М., 1937; *Несмий М.* Доходы и финансы колхозов. М., 1940; *Залесский М.Я.* Налоговая политика советского государства в деревне. М., 1940 и др.

⁸ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: Партиздат, 1938.

социалистических преобразований⁹. Широкое освещение получил анализ культурной революции в СССР, затронувший все слои населения¹⁰.

Здесь следует отметить работу, одного из ведущих специалистов по аграрной истории В.П. Данилова, который предпринял попытку целостного анализа социально-экономического развития доколхозной деревни и показал, что на протяжении 1920-х гг. рост колхозного движения сопровождался созданием наиболее простых и понятных для крестьянства форм коллективного хозяйства (ТОЗы), которые к началу коллективизации колхозы часто распались ввиду слабой технической оснащенности, сложностей землеустройства, организационных трудностей и т.д.¹¹

Описывая достижения общественного сектора, авторы затрагивали вопросы занятости колхозников и в личном подсобном хозяйстве. В частности, в своем исследовании «Колхозное крестьянство СССР» В.Б. Островский одним из первых отметил значительную роль личного подсобного хозяйства в повседневной жизни колхозников, которое становилось для крестьянина основным источником дохода¹².

В начале 1970-х годов в работах М.А. Вылцана была разработана тема развития советской деревни накануне Великой Отечественной войны и в период

⁹ Данилов В.П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957; он же. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977; Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929-1932 гг.). М., 1972; Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. В 2-х т. М., 1974; Игнатовский П.А. Крестьянство и экономическая политика партии в деревне. М., 1974; Вылцан М.А. Завершающий этап создания колхозного строя. М., 1978; Тюрина А.П. Социально-экономическое развитие советской деревни. М., 1982 и др.

¹⁰ Ким М.П. Коммунистическая партия - организатор культурной революции в СССР. М., 1955; Карпов Г.Г. Партия и культурная революция в СССР. М., 1957; Селунская В.М. Борьба Коммунистической партии Советского Союза за социалистическое преобразование сельского хозяйства. М., 1961; Арнольдов А.И. Социализм и культурная революция (некоторые философские проблемы культурной революции). М., 1967; Веселов А.П. Борьба Коммунистической партии за проведение культурной революции в деревне в годы коллективизации. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978 и др.

¹¹ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977; Он же. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979.

¹² Островский В.Б. Колхозное крестьянство СССР. Саратов, 1967; Он же. Новый этап в развитии колхозного строя. М., 1977.

завершения создания колхозного строя. В исследовании широко представлены вопросы культуры и быта, отражены особенности материального благосостояния и т.д. М.А. Вылцан дает положительную оценку аграрных преобразований, позволивших заложить фундамент обороноспособности страны ¹³.

Что касается работ регионального характера, то в данный период появились работы, посвященные истории коллективизации в Нижне-Волжском крае. В достаточно большом количестве историко-партийных исследований советского периода, несмотря на их жесткую идеологическую заданность и устаревший характер, можно обнаружить отдельные элементы описания некоторых сторон повседневной жизни крестьянства. К таким работам следует отнести диссертации С.К. Брысякина, Б.А. Абрамова, И.И. Алексеенко, В.Б. Островского, В.С. Горохов К.П. Вострикова и др.¹⁴

Тем не менее, авторы продолжали использование сложившихся теоретических, методологических приемов, а также анализ одних и тех же партийных документов. Как и раньше, односторонность таких работ была их главным недостатком, не позволяющим раскрыть все многообразие социальных

¹³ *Вылцан М.А.* Советская деревня накануне Великой Отечественной войны (1938-1941 гг.). М., 1970; *Он же.* Завершающий этап создания колхозного строя (1935-1937 гг.). М., 1978.

¹⁴ *Брысякин С.К.* Борьба за создание социалистических форм сельского хозяйства в Саратовской губернии накануне «Великого перелома» (1926-1929 гг.): Дис... канд. ист. наук. Саратов, 1951; *Алексеенко И.И.* Коммунистическая партия – организатор помощи рабочего класса деревне в осуществлении коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества, как класса, в Нижне - Волжском крае (1928-1931 г.): Дис... канд. ист. наук. Саратов, 1954; *Горохов В.С.* Деятельность партийных организаций Нижнего Поволжья по организационно хозяйственному укреплению колхозов в предвоенные годы (1935-1940): Дис... канд. ист. наук. Саратов, 1976; *Островский В.Б.* Комсомол помощник партии в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства (в годы первой пятилетки): Дис... канд. ист. наук. Саратов, 1953; *Медведев В.К.* Подготовка и проведение сплошной коллективизации в Нижне-Волжском крае (1928-32 гг.). Саратов, 1960; *Он же.* Крутой поворот: из истории коллективизации сельского хозяйства Нижнего Поволжья. Саратов, 1961; *Яньшин В.Ф.* Организация фондов сельской библиотеки при открытом доступе: Из опыта работы библиотек Саратовской области. Саратов, 1966; *Абрамов Б.А.* Коллективизация сельского хозяйства – великая революция в социально-экономических отношениях и во всем укладе жизни крестьянства: Дис... канд. ист. наук. М, 1967; *Терентьева Л.А.* Культпоход на Нижней Волге (Из истории культурного строительства в годы первых пятилеток). Саратов, 1967; *Вострикова К.П.* Деятельность Нижне-Волжской краевой партийной организации по укреплению своих рядов в годы первой пятилетки (1928-1932): Дис... канд. ист. наук. Саратов, 1972.

аспектов сельской повседневности. Отсутствовало изучение рефлексии к крестьянству со стороны государства.

В условиях происходившей «десталинизации», общая риторика оставалась в рамках официальной концепции и мало чем отличалась от предыдущих исследований. В период «оттепели» стало возможным указывать на отдельные недостатки и ошибки коллективизации и колхозной политики, однако общий позитивный подход к процессу как к крупному успеху социалистического строительства сохранялся и только с конца 1980-х – начала 1990-х гг. стало возможным объективное освещение жизни советской деревни в 1928 – 1941 гг. Кроме того, примерно в это же время истории повседневности начинают завоевывать свои позиции в постсоветской и, в частности, в российской историографии.

Поэтому *третий период* стал совершенно новым этапом рассмотрения устоявшихся концепций. Изучение повседневности и уровня жизни деревни выходит на новый научный уровень, в первую очередь благодаря доступу к ранее закрытым архивным источникам. Авторы начинают писать о ранее запретных темах: терроре, раскулачивании, голоде и т.д.

Большое внимание историков было сосредоточено на анализе «великого перелома». И здесь важнейшее значение имели два сюжета: описание насильственных методов его осуществления и форм крестьянского сопротивления. В исследовании последствий процесса, делался акцент на его негативных итогах и поиска альтернатив развития¹⁵.

Одной из первых работ такого плана стала совместная работа В.П. Данилова и Н.А. Ивницкого. Оценивая последствия политики, проводившейся властью в сельском хозяйстве, авторы сместили видение проблемы с точки зрения интересов

¹⁵ Кабытов П.С., Козлов В.Л., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988; Мяло К. Оборванная нить. Крестьянская культура и культурная революция // Новый мир. 1988. № 8. С.245-257; Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы. М., 1989; Зеленин И.Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. 1989. № 2. С. 3-19; Данилов В., Ильин А., Тепцов Н. Коллективизация: как это было. Урок дает история. М.: Политиздат, 1989. С. 138-182.

государства на конкретные трагические изменения в жизни крестьян, вызванные государственным насилием¹⁶. При этом раскулачивание стало основной темой фундаментальных монографий Н.А. Ивницкого¹⁷.

На рубеже 1980-х-1990-х в рамках антропологического подхода, наметился значительный рост научного интереса к проблематике крестьянской повседневности. В связи с чем, на основе опыта зарубежных авторов появляется большое количество крупных работ, монографий, статей, в которых освящаются проблемы менталитета, влияние модернизации на традиционное общество, придается особое значение психологии сельского населения, показываются аномалии и девиации советского общества 1930-х и т.д.¹⁸.

Так Н.Б. Лебина на примере городской среды, рассматривает девиантное поведения в Ленинграде. Отмечая, что «великий перелом» стал отправной точкой в переходе к аномальным практикам повседневности, в то время как нэп выступал возвращением к привычным бытовым деятельности. Ограниченность в рамках одного города не представляет возможности подойти к проблеме изучения советской действительности со всей широтой исследуемой темы¹⁹.

¹⁶ Данилов В.П., Ивницкий Н.А. О деревне накануне и в ходе сплошной коллективизации // Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927-1932 гг. М., 1989.

¹⁷ Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1996; *Он же*. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928-1932 гг.). М., 2000.

¹⁸ Громыко М.М. Мир русской деревни. - М., 1991; Хлевнюк О. В. 1937 – й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992; Вербицкая О.М. Крестьянская семья в 20 – 50-е годы // Население России в 1920 – 1950-е годы: Численность, потери, миграции: Сб. научн. трудов. М., 1994; Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). Материалы международной конференции. Москва, 14–15 июня 1994 г. / Отв. ред. В.П. Данилов, Л.В. Милов. М., 1996; Муравьев А. И., Старко Б. А. Российская повседневность 1921 – 1941 гг.: новые подходы. СПб., 1995; Волобуев П.В. Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997; Журавлев С.В., Соколов Л.К. Повседневная жизнь советских людей в 1930-е годы // Социальная история. Ежегодник 1997. М., 1998. С. 287 – 334; Козлов В.А. Феномен доноса // Свободная мысль. 1998. № 4. С. 100 – 112; Кузнецов И.А. Фонд писем «Крестьянской газеты»: источниковедческий аспект // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1999. № 2. С. 70 – 84; Соколов А.К. Советское общество накануне войны // Власть и общество России XX в. М., Тамбов, 1999. С. 136–154; Лившин А.Я. Орлов И.Б. Власть и народ: «сигналы с мест» как источник по истории России 1917 – 1927 годов // Общественные науки и современность. 1999. № 2. С. 94 – 104; Орлов И.Б. Лившин А.Я. Социологический анализ «писем во власть» (1917 – 1927-е годы) // Социс. 1999. № 2. С. 79 – 87 и др.

¹⁹ Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920 – 1930 годы. СПб., 1999.

Чтобы добиться комплексного анализа истории активно привлекают источники личного происхождения. Благодаря которым удаётся проследить особенности трансформации мировосприятия в обществе, отразившемся в письмах, листовках, мемуарах и т.д.²⁰ В частности Н.Н. Козловой рассматриваются процессы превращения крестьянина в городского жителя на основе анализа и интерпретации текстов советской эпохи: писем, воспоминаний, дневников²¹. В основе работы «Голоса народа», вышедшей под редакцией А.К. Соколова, использовались письма крестьян и рабочих, писавших о своих проблемах и злключения в местные и центральные инстанции. Благодаря этим источникам, авторам удалось показать, как сохранились в памяти народа и повлияли на судьбы миллионов людей крупные исторические вехи: гражданская война, голод, нэп, коллективизации и индустриализация²².

Изучение нового типа общества, сформированного в 1920-е - 1930-е гг. представлена в диссертации Г.Г. Корноухова. На материалах Астраханской области исследуется бытовая и социальная сторона жизни советского человека, его изменения в социальной структуре, материальной среде обитания, с применением микро- и макро-исторического подходов²³. Изучению социалистических преобразований и культурное строительство в советской деревне, и ее трудовой упадок, изменению менталитета через призму коллективизации, представлено в монографии Н.Л. Лопатиной²⁴.

В конце 1990-х выходит в свет работа Е.А. Осокиной, посвященная иерархии потребления и снабжения населения. В ней автор затрагивает

²⁰ См. напр.: *Тепцов Н.В.* В дни великого перелома: история коллективизации, раскулачивания и крестьянской ссылки в России (СССР) по письмам и воспоминаниям, 1929-1933 годы. М.: Звонница-МГ, 2002.

²¹ *Козлова Н.Н.* Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. М., 1996; *Она же.* Советские люди. Сцены из истории. М., 2005.

²² *Голоса народа.* Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918 – 1932 гг. М., 1997; *Соколов А.К.* 1930-е годы: общество и власть. Повествование в документах. М., 1998.

²³ *Корноухова Г.Г.* Повседневность и уровень жизни городского населения СССР в 1920–1930-е гг.: На материалах Астраханской области: Дис... канд. ист. наук. М., 2004.

²⁴ *Лопатин Л.Н., Лопатина Н.Л.* Коллективизация и раскулачивание (очевидцы и документы свидетельствуют). Кемерово: Изд-во Аксиома, 2009.

функционирования рынка в условиях социализма, государственного распределения товаров, также представлен подробный анализ карточной системы, практиковавшихся на протяжении большей части сталинского периода²⁵.

Стоит также отметить работу по советской социальной политике 1920 – 1930-х годов: «идеология и повседневность», в которую вошли статьи, посвященные советской повседневности с начала формирования советского государства до начала войны. Авторы в них затрагивают развитие бытовых установок, трансформация культурности, частной жизни, что в итоге должно было привести, по мнению большевиков, к формированию нового типа советского человека²⁶.

В то же время, реконструкцию повседневности деревни невозможно представить без ее предметно-материального выражения: дома, питания, труда, досуга, внутрисемейных отношений и т.д. Получивших развитие в ряде региональных монографий и диссертаций.²⁷

Отдельные исследования затрагивают гендерные вопросы и особенности государственной политики по отношению к детям в СССР. Так, в своих работах Л.М. Денисова и Т.М. Смирнова на основании архивных документов, ярко иллюстрируют трансформацию повседневной жизни, в ходе проведения социалистических преобразований, изменения роли женщины, затрагиваются вопросы брака и семьи, проблемы воспитания детей на фоне сельских трудностей и преимуществ новой колхозной жизни²⁸.

²⁵ *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941. М.: РОССПЭН, 1999.

²⁶ *Ярский - Смирнов П.Р., Ярская - Смирнова Е.Р.* Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность. М., 2007.

²⁷ *Щеглова Т.К.* Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул, 2008; *Хасянов О.Р.* Очерки истории повседневной жизни советского крестьянства (на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей). Ульяновск, 2015; *Бондарев В.А., Гадицкая М.А.* Трудовая повседневность колхозной деревни: складывание новых производственных отношений в селах и станицах Юга России 1930-х годов. Новочеркасск, 2014; *Гадицкая М.А.* Истоки колхозной повседневности. Новочеркасск, 2018.

²⁸ *Денисова Л.Н.* Женщины русских селений. Трудовые будни. М., 2003; *Она же.* Судьба русской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт. М., 2007; *Смирнова Т. М.* Дети страны советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917-1940 гг. М.; СПб. ИРИ РАН: центр гуманитарных инициатив, 2015.

Из последних крупных изданий следует выделить серию «История сталинизма», которая начала выходить в 2008 г. Значение серии состоит в том, что наряду с известными российскими специалистами она представляет исследователю работы ведущих зарубежных историков, ранее малодоступные в России. Их перевод существенно обогатил представления о едином научном пространстве мировой историографии²⁹.

Особого внимания здесь заслуживают исследования Ш. Фицпатрик, в которых она уделяет внимание взаимоотношениям крестьянства и горожан с властью на протяжении 1930-х гг. Когда нажим и репрессивные меры порождали не только острую межклассовую борьбу в деревне, а безынициативность, работу спустя рукава, апокалиптические, конспирологические слухи среди населения³⁰.

В похожем ключе построено исследование Л. Виола. В своей работе она анализировала активное и пассивное крестьянское сопротивление и выделила целый комплекс мер неподчинения населения властям. Используя обширные архивные материалы, автор делает заключение, что сельские жители в основной своей массе негативно относились к коллективизации, а любые предложения и нововведения воспринимали с настороженностью³¹.

Принципиальной особенностью современного этапа историографии изучаемой проблемы является её активная разработка в различных российских регионах, где в настоящее время наблюдается рост интереса к истории крестьянства в период сплошной коллективизации. В том числе, появилось немало исторических исследований, которые напрямую затрагивают территорию

²⁹Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М. РОССПЭН, 2008; Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 М. РОССПЭН, 2008; Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М. РОССПЭН, 2008; Рольф М. Советские массовые праздники. М. РОССПЭН, 2009; Дэвис С. Мнение народа в сталинской России: террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941. М. РОССПЭН, 2011; Франсуа-Ксавье Нерар. Пять процентов правды. Разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928–1941). М. РОССПЭН, 2011 и др.

³⁰Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. РОССПЭН. М., 2008.

³¹Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М. РОССПЭН, 2010.

Саратовского Поволжья³². Здесь стоит упомянуть издание многотомных «Очерков истории Саратовского Поволжья». Так в 3-м томе в которой освещены хозяйственно-экономические, политические, культурные, религиозные и др. процессы исследуемого региона в период с 1917 по 1941 гг.³³

Также наиболее интересными представляются работы С.И. Савельева, в которых автор приходит к выводу, что заданный в конце 1920-х гг. аграрный курс в итоге привел к государственному геноциду более зажиточных социальных прослоек. Бедняцко-батрацкие слои сельского населения выступили как политический инструмент, реализовывавший массовые репрессии. Таким образом, автор указывает на глубокий раскол, существовавший в деревне, который не мог не отражаться и в повседневной жизни крестьян региона³⁴.

Достаточно большое внимание повседневной жизни крестьян Республики немцев Поволжья уделяет в своих работах А.А. Герман. В его монографии «Немецкая автономия на Волге. 1918 – 1941 гг.» жизнь немецкого крестьянства в годы коллективизации и колхозной жизни отражена в двух главах. В работе показаны некоторые особенности в реакции немецких крестьян на политику, проводившуюся в деревне советским руководством в 1930-е гг.³⁵

³² *Чуриков В.М.* Развитие животноводческой отрасли аграрного производства в 1930-е годы (на материалах Нижнего Поволжья): Дис... канд. ист. наук. Саратов, 2001; *Тюрин А.О.* Социальная политика советской власти в 1928-1941 гг. (на материалах Нижнего Поволжья): Дис... канд. ист. наук. Астрахань, 2003; *Болотов Н.А.* Разработка партийно-государственной социальной политики и ее реализация в Нижнем Поволжье в 1928-1941 гг.: Дис... докт ист. наук. Волгоград, 2004; *Гермашев А.А.* Повседневная жизнь деревни Нижне-Волжского края во второй половине 1920-х годов.: Дис... канд. ист. наук. Саратов, 2009; *Песков В.В.* Государственная политика в сфере культурного строительства в Нижнем Поволжье в 1928-1941 гг.: Дис... канд. ист. наук. Астрахань, 2010; *Бадмаева Е.Н.* Нижнее Поволжье: Опыт и итоги реализации государственной политики в социально-экономической сфере (1921-1933 гг.): Дис... докт ист. наук. Астрахань, 2011; *Хабибуллин А.А.* Социально-экономическое и культурное развитие татарского села в годы довоенных пятилеток (1928-1941 гг.) (на материалах Саратовского Заволжья): Дис... канд. ист. наук. Казань, 2013;

³³ *Очерки истории Саратовского Поволжья (1917 – 1941).* Т. 3. Ч. 1 / Под ред. Ю. Г. Голуба. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2006.

³⁴ *Савельев С.И.* Социально-классовая политика ВКП(б) и общественно-политические процессы в деревне второй половины 20-х начала 30-х.: На материалах Нижнего Поволжья: Дис... канд. ист. наук. Саратов 1994; *он же.* Социальная политика Советского государства в деревне 1917 г. - начала 1930-х гг.: На материалах Нижнего Поволжья: Дис... докт ист. наук. Саратов, 2005.

³⁵ *Герман А.А.* Немецкая автономия на Волге. 1918 – 1941. М.: МСНК-пресс, 2007; *он же.* Из истории крестьянского сопротивления коллективизации в Саратовском Поволжье //

Историки продолжают волновать вопросы ломки стереотипов и их трансформации. В терминологию и историографию повседневности входит большое количество понятий, и бытовых практик, которые затрагивают все сферы человеческой жизни, включая религиозную. Здесь особенно интересным представляется работа Ж.В. Яковлевой, охватившей весь спектр религиозной политики советской власти в Саратовском Поволжье. Многоконфессиональность региона стала одной из главных проблем для большевиков. В данной работе хорошо показано как власть взаимодействовала с населением, навязывала новое коммунистическое мировоззрение, на месте разрушавшегося религиозного сознания³⁶.

Проведенный историографический обзор литературы позволяет сделать ряд выводов:

Во-первых, преодолев ограниченность и тенденциозность историографии советского периода, современная историография демонстрирует высокий уровень изучения повседневности сельского населения, в период формирования и функционирования колхозной системы. Однако проблема изучения повседневности сельской жизни в Саратовском Поволжье в период от начала коллективизации и до Великой Отечественной войны является слабо разработанной проблемой.

Во-вторых, большинство авторов делают упор на экономические, политические и духовные процессы, протекавшие в селе под натиском государства, ломавшего старый уклад крестьянской жизни. Почти совсем отсутствуют работы отражающие изменения в повседневной жизни крестьян. Усовершенствование методик исторических исследований, применение комплексного подхода, использования новых источников и анализ опубликованных работ с точки зрения отражения в них элементов повседневности

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2017. Т. 17. Вып. 3. С. 407-416. 1996; *он же*. Большевицкая власть и немецкая автономия на Волге. Саратов, 2004;

³⁶Яковлева Ж.В. Антирелигиозная кампания в Саратовском Поволжье (конец 1920-х – начало 1940-х гг.): Дис... канд. ист. наук. Саратов, 2017.

саратовских крестьян, позволит решить обозначенную историографическую проблему.

В-третьих, вопрос повседневности сельского населения отечественными и зарубежными исследователями представлен в солидной историографической базе, аграрный вопрос всегда интересовал историков. В последнее время авторы все чаще обращаются к истории повседневности и изучают процессы трансформации культуры крестьянской среды, под воздействием политических, экономических, религиозных и прочих факторов. Ярким примером «разрушения» стал период полной коллективизации, когда преобразования в сельской жизни начали формировать новые идеологические ориентации. Выявление ряда проблем при исследовании истории повседневной жизни на региональном уровне, показало малоизученность этой темы в Саратовском Поволжье.

Источники. Создание полноценной картины повседневности сельского населения Саратовского Поволжья невозможно представить без привлечения архивных документов. В основу работы были положены материалы 23 фондов 3 центральных и 3 региональных архивов.

Источники можно разделить на две группы. К первой относятся опубликованные документы, официального делопроизводства, стенографические отчеты, экономические обзоры, Собрание Законов и Распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР, Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР и др.³⁷ Эти источники дают представление об основных направлениях государственной политики в социально-экономической сфере.

³⁷ Собрание Законов и Распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. М., 1928-1934 гг.; Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. М., 1928-1934; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. Изд. 8-е. М., 1970; 1984; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5, изд. 8. М., 1970; Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1; Десятый съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1963; Директивы ЦК ВКП (б) и постановления Советского правительства о народном образовании. Сборник документов за 1917-1947 гг. М.-Л., 1947;

Ценный статистический материал содержат различного рода статистические сборники регионального характера³⁸. Значительный материал по разным сферам повседневной жизни представляют статистические сборники, как региональные, так и всесоюзные. Данные о количестве населения, его социальном составе и занятиях, грамотности содержатся в переписях³⁹.

Большим подспорьем в работе стала опубликованная серии документальных сборников из ранее закрытых фондов, посвященных истории коллективизации и жизни советской деревни в 1920 – 1930-е гг. «Как ломали нэп», «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939», «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939», «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.)⁴⁰. Благодаря данным работам удалось всесторонне исследовать повседневность сельского населения на протяжении всего изучаемого периода.

Вторую группу источников составляют архивные документы, собранные автором в 6 архивах: Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Государственном архиве Саратовской области (ГАСО), Государственном архиве новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО), Государственном историческом архиве немцев Поволжья (ГИАНП).

Богатый фактический материал сосредоточен в партийных фондах ГАНИСО и включают в себя сведения Нижне-Волжского и Саратовского края: Ф.

³⁸ Указатель торгово-промышленных, кооперативных и др. предприятий по АССРНП и Саратовской губернии на 1927-28 г. Губотдел ВОС. Саратов, 1927.; Крестьянские бюджеты по Саратовской губернии за 1925 - 1926 гг. Саратовский губернский статистический отдел. Саратов, 1928; Нижне-Волжская область. Издание Саратовского губисполкома. М.1928 ; Статистический сборник по Саратовской губернии. Саратов, 1929.

³⁹ Всесоюзная перепись населения 1926 г. В 56 т. Т. XX. М., 1929; Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги / Сост. Н. А. Араловец и др. М., 1991.

⁴⁰ Данилов В.П., Берелович А. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939: Документы и материалы. В 4-х т. Т. 1-2. М., 1998, 2000; Данилов В. П., Маннинг Р., Виола Л. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927 - 1939. В 5 т. М., 1999; Данилов В. П., Хлевнюк О. В. Астахова М. С. Горская Г. В. Как ломали нэп. Стенограмма пленумов ЦК ВКП(б). 1928-1929. В 5 т. М., 2000.

27 – Саратовский губком ВКП(б), в данных документах ярко отражена повседневность доколхозной деревни, имеется обширный материал о ходе хлебозаготовительной кампании в Саратовской губернии. В фонд 55 – Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) – (1928–1933-е гг.) нашли отражение трагические страницы сплошной коллективизации, а в фонде 594 – Саратовского обкома КПСС, интерес представляли докладные записки с мест особоуполномоченных, сообщавших о проблемах и достижениях колхозной деревни, справки о ходе реализации хозяйственной и культурной политики, отдельные дела с информацией о состоянии колхозного строительства в том или ином округе и районе. Информация об общественно-политических настроениях граждан была почерпнута переписок райкомов и окружкомов с органами ОГПУ и НКВД, в которых них полноценно раскрывается противоречивый облик деревни. Для раскрытия особенностей снабжения использовались дела из фонда 2863 – Уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б).

Ценный материал, был почерпнут из фондов Государственного архива Саратовской области (ГАСО). В частности, Ф. Р-522 – Нижне-Волжского краевого исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (крайисполкома), содержит постановления, инструкции, циркулярные письма вышестоящего органа, отчеты и справки местных органов по различным вопросам государственного и хозяйственного строительства.

Саратовское Поволжье невозможно представить без Немреспублики, находившейся на территории изучаемого региона, поэтому для полноты картины были привлечены документы В Ф. 1 – Обкома ВКП(б) АССР Немцев Поволжья(ГАНИСО). Богатый фактический материал, раскрывающий особенности сплошной коллективизации и последующего развития региона в предвоенные годы, был изучен в Государственном историческом архиве немцев Поволжья (ГИАНП), в работе были использованы фонды Р-849 –Центрального исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ЦИК) АССРНП, а также фонд Р-998 – Совет народных комиссаров.

Научная новизна диссертационной работы определяется тем, что в ней впервые предпринята попытка цельного и всестороннего исследования повседневной жизни сельского населения Саратовского Поволжья в период первых советских пятилеток, претерпевшей серьезные изменения, в ходе которой была сформирована совершенно новая система хозяйствования.

Научно-практическая значимость работы связана с дополнением знаний по истории коллективизации и индустриализации, в рамках изучения ее со стороны крестьянской повседневности. Поскольку повседневная жизнь сельского населения Саратовского Поволжья в 1928-1941-х гг. не была специально изучена, материалы исследования могут быть использованы в качестве написания монографий, методических и учебных пособий.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) Изменчиво-динамичная сущность деревни Саратовского Поволжья периода сплошной коллективизации обусловила историческую ситуацию, когда традиции и новации в сфере крестьянской повседневности не просто сосуществовали, но и находились в непрерывном противоборстве. При этом, наличествующая динамика крестьянской повседневности на всём протяжении 1930-х гг. обуславливалась целенаправленной политикой государства, уделявшей значительное внимание советизации культуры и быта деревни. Жесткая попытка принудительной модернизации, сформированной столетиями архаически костной, структуры крестьянской жизни, имевшей свои идеалы, традиционного крестьянского сознания и мышления, стала одной из главных причин складывания многих новых переходных бытовых повседневных практик. Тем не менее, добиться окончательной ликвидации патриархальных, традиционных элементов в сознании людей не удалось. Реальная жизнь показала, что между провозглашаемыми лозунгами и повседневной жизнью нет механической связи, ликвидация капиталистических элементов отнюдь не приводит автоматически к формированию нужного власти мировоззрению.

2) Предпринятые мероприятия по созданию крупных коллективных хозяйств, вместо мелких индивидуальных путем усиление экономического и

внеэкономического нажима на единоличников не привели к улучшению материального положения всего сельского населения. В рамках исследования было продемонстрировано, что свободный от обязательств крестьянин, находясь в стесненных обстоятельствах и существующий в рамках доминирующей колхозной системы мог получать доходы, в десятки раз превышающие заработки колхозника.

3) Несмотря на попытки скорейшего формирования нового типа крестьянской повседневности в лице колхозника, насильно загнанные в коллективные хозяйства сельчане, продолжали сохранять немало традиционных черт. Самой яркой среди них была жизненная необходимость обрабатывать свое личное подсобное хозяйство, активно развивавшееся в Саратовском Поволжье на индивидуальных началах в ущерб общественному. Именно в нем, колхозник вновь стал проявлять инициативу и заинтересованность, которая выражалась в стремлении увеличить доходность от своего двора путем «прирезки» земель. В результате страдала трудовая дисциплина, а необходимые условия для вовлечения максимального количества трудоспособного населения в колхозное производство отсутствовали. Опасаясь разрастания частнособственнических тенденций, государство стало пресекать подобные тенденции, обращаясь к проверенным административным методам внеэкономического принуждения.

4) В условиях сталинской колхозной системы, с характерным для нее второстепенным вниманием и отсюда – пренебрежительным отношением к нуждам и запросам рядовых работников, материально-бытовые условия жизни колхозников зачастую были неудовлетворительными. От этого напрямую страдала производственная инициатива и уровень организационно-хозяйственного развития всей колхозной системы. Особенно тяжелая ситуация наблюдалась в первой половине 1930-х гг. в условиях кризиса аграрного производства, вызванного форсированной коллективизацией. Товарность крестьянского хозяйства резко снизилась. Значительная часть производимой в нем продукции стала отчуждаться в принудительном порядке по ценам, на порядок и более уступающим рыночным. Существенно ограничена была и

свобода рыночной торговли. Все это привело к сокращению доходов, получаемых крестьянами от ведения сельского хозяйства, и падению их жизненного уровня. В условиях постоянного дефицита воровство, продажа продуктов и спекуляция стали играть важнейшую роль в самообеспечении населения.

5) Сельское хозяйство, несмотря на модернизацию, все еще зависело от климатических условий, о чем свидетельствовали периодические неурожаи и засухи в Саратовском Поволжье. Непростое положение крестьянства усугублялось низкой оплатой и снабжением в колхозах, поскольку деревня всегда оставалась на периферии приоритетов государственной политики СССР, так как сформированная система была нацелена на принуждение крестьянина к коллективному труду и выполнение плановых установок. Очевидным становится тот факт, что развитие аграрного сектора требовало изменения окостенелых структур крестьянской общины. Однако если до революции этот процесс проводился достаточно плавно, то сталинская модернизация была попыткой решить проблему «кавалерийским наскоком».

Итоги и основные выводы. Период с 1928 по 1941 гг. был ознаменован множеством трагических событий, которые повлияли на все дальнейшее развитие страны. Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) 1929 г., на котором И. Сталиным был провозглашен курс на сплошную коллективизацию, стал точкой отсчета форсированных и насильственных методов осуществления коллективизации. Создание колхозов являлось важным средством формирования командно-административной системы, напрямую повлиявшей на повседневность сельского населения.

За период нэпа повседневность сельского населения Саратовского Поволжья не подверглась серьезным социально-экономическим преобразованиям, поэтому единоличное хозяйство с его традиционным укладом оставалось ведущим типом сельской повседневности. Внедрение социалистических форм кооперирования не было подавляющим и использовалось крестьянами в индивидуальных интересах: получая государственные льготы, первые колхозы часто распадались. Самой популярной формой коллективного

ведения хозяйства в регионе, как и во всей стране были ТОЗы. Поскольку она была самой доступной и понятной для всего крестьянства.

Тем самым период нэпа в исследуемом регионе был своеобразным сплавом традиций и социалистических новаций, которые трансформировались и уживались друг с другом на добровольных началах. Но для дальнейшего развития в условиях существующих форм хозяйствования, слабых рыночных связей и обеспеченности устаревшими орудиями производства, как считали власти, у деревни не было потенциала. Хотя в Саратовской губернии и Немреспублике наблюдалась положительная динамика в восстановлении довоенных показателей посевных площадей, животноводства, наблюдалось постепенное улучшение жизни, деревенская жизнь после периода социальных потрясений стала налаживаться.

Однако в рамках ускоренной модернизации сельского хозяйства и выкачивания средств из деревни для реализации планов индустриализации, во второй половине 1920-х гг. побеждает идея отказа от нэпа.

В результате кризиса хлебозаготовок 1927-1928 гг. государство сформировало систему внеэкономического изъятия необходимого ресурса. В ходе реализации этой политики создавалась политико-правовая, социально-экономическая и кадровая база для преобразования единоличных хозяйств в подчиненные государству колхозы. В связи с усилением давления на аграрный сектор, в регионе возникла новая социально-психологическая атмосфера, результатом которой стало повышения конфликтности и агрессивности. Сельское население Саратовского Поволжья стало использовать традиционные стратегии сопротивления государственным хлебозаготовкам: укрывали хлеб в ямах, писали жалобы в местные и центральные органы, распространяли антисоветские слухи, листовки, совершали террористические акты и т.д. Все это заложило основу взаимодействия крестьянства и власти, ставшее составной частью повседневной жизни в коллективизированной деревне.

Аграрная политика власти в большой степени противоречила менталитету и социальным ожиданиям крестьян, которое выражалось в сохранении

традиционных, повседневных, бытовых и религиозных практик. Особенно важен тот факт, что под пристальным идеологическим вниманием оказалось Саратовское Поволжье. Несколько округов Нижне-Волжского края (Балашовский, Пугачевский, Аткарский) и АССР Немцев Поволжья, были объявлены в качестве образцово-показательных по социалистическому строительству. Став тем самым экспериментальной площадкой для государственных кампаний, послужив источником драматических событий и острой реакцией крестьянства на преобразования.

Стоит отметить, что самый большой отпор насильственной коллективизации оказывали села АССР НП. Так, со второй половины декабря 1929 г. ситуация в Немреспублике приобрела характер массовых антисоветских протестов. Местные жители выпускали арестованных, возвращали отобранное имущество; в течение месяца в селе Мариенфельд фактически не существовало советской власти. Связано это было с тем, что немецкое население традиционно жило в определённой изоляции, которая определяла культурные, религиозные, бытовые и хозяйственные особенности, а также с тем, что местные функционеры проявили больше настойчивости и упорства ввиду национальных особенностей.

В то же время среди остального крестьянства Саратовского Поволжья получили широкое распространение конспирологические и апокалиптические слухи, которые были составными элементами крестьянской идеологии сопротивления. Причем данная тенденция была связана именно с тем, что вспыхивала в момент наиболее сильных социальных потрясений. Еще одним важным фактором мифологизации процессов и разрушением традиционной культуры, повлиявшим на повседневную жизнь села в Саратовском Поволжье, была развернувшаяся антирелигиозная кампания, призванная насадить новые социалистические идеалы. Несмотря на все попытки ликвидировать официальную деятельность конфессий, подавить до конца религиозную жизнь не удалось: она ушла в подполье и продолжала локально существовать.

Сложны и многогранны были отношения внутри деревни между разными слоями населения. Накал социальных взаимоотношений постоянно подпитывался

аргументами классовой политики. Разделяя крестьянскую общность по половым, возрастным и экономическим критериям, партия опиралась на бедняков и батраков, «руками» которых происходила реализации государственной политики на местах. Молодежь и местные активисты, в свою очередь, готовы были выполнять любые установки, в надежде воспользоваться открывшимися социальными лифтами. Они верили, что коллективный способ хозяйствования будет способствовать быстрому подъему производства в аграрной сфере. Данный постулат, по их мнению, оправдывал любые средства осуществления коллективизации. Поэтому в данном контексте раскулачивание, устранение деревенской элиты стало еще одним элементом трансформации крестьянской повседневности.

В итоге можно утверждать, что развернувшиеся преобразования в аграрном секторе в период «великого перелома» привели к кардинальным изменениям сущностных характеристик сельского населения Саратовского Поволжья и формированию новой социальной страты. В результате сплошной коллективизации практически исчез крестьянин-единоличник, мелкий собственник; на его месте появился крестьянин-колхозник, хотя формально и считавшийся членом сельскохозяйственного кооператива и имевшим в нем свою долю собственности, но фактически отстраненный государством от этой собственности и превращенный в наемного работника, работавшего за т.н. «трудодни», по количеству которых ему определяли фиксированную, очень малую долю произведенной колхозом продукции. На смену свободному крестьянскому труду пришел принудительный труд в колхозах, не приносящий ни морального, ни материального удовлетворения колхознику.

Подъем производительности сельского хозяйства за счет доступа к сложной сельскохозяйственной технике и улучшение материальных условий колхозников оказались мифом государственной пропаганды. Коллективизация в Саратовском Поволжье была пирровой победой, достигнутой высокой ценой; итогом её стал голод 1932-1933 гг., который начал проявляться в отдельных районах уже в 1930-1931 гг. Поэтому крестьянство на протяжении всего предвоенного периода

оставалось озлобленным к навязанным им колхозам, и продолжало применять типичные формы пассивного сопротивления, такие как уклонение от работы, мелкое воровство, антисоветские разговоры, слухи и т.д.

Политика массовой коллективизации определила доминирующую роль общественной собственности. Те единоличные хозяйства, которые остались вне колхозной системы, находились, по мнению власти, на периферии сельскохозяйственной отрасли, и со временем должны были окончательно раствориться в новой коллективизированной деревне. Однако, как указывают документы, многие единоличные крестьянские хозяйства Саратовского Поволжья, обладая определенной экономической свободой, несмотря на повышенную налоговую ставку и накладываемые обязательства, получали доходы, в десятки раз превышающие доходы колхозника. Сосредоточив свою деятельность на особо рентабельных типах продуктов, единоличники в основном занимались выращиванием садово-огороднических культур, извозом, нанимались на сезонную работу. Наиболее благоприятные условия для единоличников были возле крупных городов и райцентров, где был наибольший спрос на производимую ими продукцию. Пресечь подобные тенденции удалось только благодаря радикальным мерам. Вышедшее в 1938 г. постановление «О государственном налоге на лошадей единоличных хозяйств» в несколько раз повысило налог на рабочий скот, тем самым лишив единоличников важного источника заработка и возможности транспортировки продуктов в города. В результате многие хозяйства разорились или были вынуждены вступить в колхоз, повысив тем самым процент коллективизации в регионе к концу 1930-х почти до максимальных значений.

После периода коллективизации и трагических последствий голода, социально-экономическая ситуация в регионе стабилизировалась. В первую очередь это было связано с тем, что колхозникам были сделаны определенные уступки. Так, 17 февраля 1935 г. вышел новый примерный устав сельскохозяйственной артели. Благодаря ему колхозники получили право иметь приусадебные участки определенных размеров, некоторое количество мелкого и

крупнорогатого скота и т.д. Данное обстоятельство благоприятно сказалось на повседневной жизни колхозников. Поскольку личное хозяйство колхозников имело ярко выраженный потребительский характер, а после разрешения торговли в 1932 г. и рыночный, в отдельных местах Саратовского Поволжья стала наблюдаться тенденция к увеличению площади участков благодаря обработке заброшенных земель. В повседневной жизни крестьян стали возрождаться некоторые традиционные хозяйственные практики. Так, например, женщины стали больше времени проводить дома, работать у себя в хозяйстве и ухаживать за детьми. Такая заинтересованность была не случайной, поскольку именно оно обеспечивало семью всем самым необходимым, а работа в колхозе воспринималась как трудовая повинность. Не случайно сельское население, все чаще сравнивало свое положение в коллективизированной деревне с крепостным правом.

Тем не менее, особую роль приусадебные участки сыграли в период засухи и неурожая в 1936, 1938 и 1939 гг., поразившие сельскохозяйственную отрасль Саратовского Поволжья. Они спасли многие семьи от голодной смерти. В народной памяти крестьян, как свидетельствуют источники, единственным по-настоящему хорошим был 1937 г., когда урожай был лучшим за десятилетие. Однако государство изменило свое отношение к подсобному хозяйству, которое, по его мнению, стало развиваться в ущерб общественному. Поэтому с выходом постановления от 1939 г. «О мерах охраны общественных земель от разбазаривания», властью были ликвидированы незаконные прирезки, которые вернулись в колхозное пользование, что негативно отразилось на общем благосостоянии колхозников. Многие отобранные участки пришли в запустение из-за нехватки рабочих рук или отсутствия условий для обработки земли сельскохозяйственной техникой.

«Победа колхозного строя» в сельском хозяйстве не создала возможностей для улучшения материальных и культурных условий жизни крестьянства в Саратовском Поволжье. В сформированной иерархии потребления, ставшей основой советской социальной стратификации, колхозники занимали самое

низкое положение. Низкое качество товаров, дороговизна, дефицит сказывались на качестве жизни и составляли неотъемлемую часть сельской повседневности. В тоже время формирование благоприятных условий труда в процессе производства в регионе после голода 1932-1933 г. было важным условием, оказывающим влияние на качество работы, физического и психологического состояния крестьян. Однако социалистические преобразования аграрной сферы проводились исключительно с целью изъятия из деревни необходимого ресурса. Поэтому об улучшении материально-бытовых условий колхозников власти заботились в последнюю очередь. Нововведения в трудовой жизни (появление детских, ударничество, общественное питание и др.), не привели к налаживанию комфортных условий и стимуляции труда в общественном секторе.

Можно утверждать, что одной из самых усовершенствованных сфер сельской повседневности 1930-х гг. была сфера досуга. В Саратовском Поволжье появилось множество мест и способов полезного и культурного проведения свободного времени на селе. Большую роль в данном процессе играли кинопередвижки, благодаря которым экономились средства на создание полноценного кинотеатра. Также у крестьян появилась возможность ходить в театр, слушать радиопередачи и т.д. Со стороны большевиков советизация сферы досуга была дальновидным решением, так как благодаря ей происходило не только повышение культуры, но и укрепление просоветских настроений в деревне. Однако, несмотря на, казалось бы, растущий уровень культуры, синтез старых и новых идей и традиций, повседневность на селе не была абсолютно культурной и благополучной. Себя проявляла и негативная сторона жизни общества: имели место всевозможные девиации, проявляющиеся, например, в хулиганстве, бандитизме. Особо большой проблемой стал алкоголизм – традиционное развлечение на селе, с которым во второй половине 1930-х гг. велась очень слабая борьба.

На протяжении всего рассматриваемого периода, население не могло похвастаться обилием источников информации. В основном это были официальные издания, откуда поступали основные сведения, наполненные

агитацией и пропагандой, однако это обстоятельство не сделало общественное мнение однородным. Оно было сложным, многослойным, устроенным по своим собственным законам. Так, на протяжении 1930-х гг. в Саратовском Поволжье ходило множество слухов о близкой кончине мира, голоде и разрухе. Более того в 1937 г., в регионе появилась легенда, предвещающая обильный урожай и приближающейся войне, которая получила большое распространение по всей стране. Смысл таких сообщений крылся в надежде, что благодаря очередным потрясениям колхозная система рухнет.

Разумеется, государственный аппарат оказывал повсеместное влияние на людей, однако это не мешало субъективному восприятию того или иного события, из-за чего порой возникала вероятность проявления нонконформистского и асоциального поведения. Однако уже к концу 1930-х годов выросло новое, советское, поколение, которое никогда не видело альтернативного варианта жизненного уклада, и воспринимало происходящее как норму, а коммунистическая пропаганда формировала их взгляды на жизнь, которые новое поколение с рвением принимало.

A handwritten signature in blue ink, appearing to be 'Варсанофф', is centered on a light blue rectangular background.